

УДК 330.567.8.093.7:303.446.23

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ РЕШЕНИЙ ПО РАСПРЕДЕЛЕНИЮ СЕМЕЙНОГО БЮДЖЕТА И ИХ МЕЖДУНАРОДНОЕ СРАВНЕНИЕ

Юань Кэфэн^{1,2},
85805685@qq.com

Недоспасова Ольга Павловна¹,
olgaeconomy@mail.ru

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

² Педагогический университет Ниндэ,
Китай, 352100, г. Ниндэ, пр. Сюэюань, 1

Юань Кэфэн, аспирант Института экономики и менеджмента Национального исследовательского Томского государственного университета; доцент факультета экономики и менеджмента педагогического университета Ниндэ.

Недоспасова Ольга Павловна, доктор экономических наук, профессор Института экономики и менеджмента Национального исследовательского Томского государственного университета.

Актуальность. Демографическая трансформация, начавшаяся в середине XX в. в основном в экономически развитых странах, к настоящему времени стала важнейшим глобальным трендом. Снижение рождаемости, увеличение средней продолжительности жизни, изменение привычной структуры домашних хозяйств практически повсеместно в последние десятилетия происходили на фоне ускоренной урбанизации, повышения уровня образования граждан, изменения форм занятости, формирования цифровой экономики. Турбулентность социально-экономического пространства, вызовы и шоки последнего времени еще более существенно и в ускоренном режиме меняют привычные форматы различных сторон жизни домохозяйств; изменениям подвергаются традиционные подходы домохозяйств к использованию своих бюджетов. **Цель исследования:** опираясь на базовые положения актуальных для данной темы научных теорий, выявить основные направления эволюционных преобразований, характерные для разных стран, в подходах домашних хозяйств при использовании ими семейных бюджетов. **Методы:** анализ и обобщение научной литературы, проблемно сфокусированное сравнение теоретических концепций, анализ актуальных данных статистики ОЭСР о доходах и расходах домашних хозяйств в различных странах. **Результаты:** исследование показало, что современные научные теории рассматривают вопросы, связанные с формированием и использованием домашними хозяйствами семейных бюджетов, весьма неоднозначно и довольно противоречиво, акцентируя различные причины, формы проявления и ожидаемые последствия рассматриваемого явления. Выявлены общие и особенные черты, характерные для формирования и расходования семейных бюджетов в ряде стран ОЭСР (на примере Германии, США, Великобритании, Японии и Италии). Показано, что развитие финансового рынка в последние годы не только расширило инвестиционные возможности домашних хозяйств, но и увеличило риски, сопутствующие решениям о расходовании ими своих бюджетов. **Выводы:** для более глубокого исследования тенденций, характеризующих процесс принятия домашними хозяйствами решений о расходовании семейных бюджетов, необходима комплексная методология, включающая обоснованное сочетание идей, принципов и инструментов, предложенных представителями различных научных школ и направлений. На основе анализа статистических данных доказано, что оптимизация институциональной среды на рынке капитала может стимулировать домашние хозяйства к принятию решений об увеличении доли своих инвестиций в сравнительно рискованные активы. Развитие рынка капитала в условиях высокой концентрации национального богатства, как правило, усиливает неравенство и поляризацию общества по доходу. В связи с этим эволюцию национальных фи-

нансовых рынков необходимо рассматривать в более широком контексте, включающем поиск новых подходов к решению ключевых социально-экономических проблем современного общества.

Ключевые слова: Семейный бюджет, доходы, расходы, инвестиции, жизненный цикл семьи, экономические теории, эволюция.

Введение

Колоссальный экономический рост, ставший основным фактором развития Запада в 1960–70-х гг., позволил многим странам мира перейти к практической реализации многовековой мечты о «государстве всеобщего благосостояния» – справедливом обществе, нацеленном на создание условий для счастливой и благополучной жизни граждан [1, 2]. Благодаря концепции *Welfare State* человечество обрело опыт решения социальных проблем в масштабах не только отдельных стран (Швеция, Дания, Германия, Великобритания, США и др.), но и целых регионов (например, в Западной и Северной Европе) [3]. Благодаря масштабным социальным инвестициям в обществе сформировались навыки разработки и реализации социальных программ, преодоления социальных и экономических кризисов, организации социального обеспечения, что создало надежный фундамент для роста доходов домашних хозяйств. Очевидно, что рост доходов населения в странах, провозгласивших идею о государстве всеобщего благоденствия как приоритете национальной политики, не был однородным. Тем не менее те страны, которые после Второй мировой войны встали на этот путь и наиболее быстро стабилизировали экономику, продемонстрировали наиболее высокие темпы роста индивидуальных доходов [4]. Параллельно происходящее в этих странах внедрение принципов общественной солидарности и концепции социальных прав повлекли за собой трансформацию институционального каркаса управления семейными активами, привели к расширению спектра инструментов и появлению новых возможностей для семейных инвестиций, способствовали повышению спроса домашних хозяйств на активы финансового рынка и росту их предложения.

Экономисты в последние годы проводят большое количество исследований, нацеленных на изучение структуры и динамики доходов, расходов, сбережений домашних хозяйств (в том числе, в контексте жизненного цикла семьи), особенностей принятия решений о кредитовании и семейных инвестициях, обоснования выбора для этого соответствующих активов и т. д. [5–7]. Эти исследования позволяют во многом прояснить общую картину принятия решений о распределении семейных бюджетов и в целом проследить их эволюцию. Однако в последние годы правительства ряда развитых стран, отвечая на новые вызовы не только подвергли критике, но и радикально пересмотрели основы современного государства всеобщего благосостояния. Признавая доводы международного экспертного сообщества о том, что в условиях глобализации и всеобщего старения политика *Welfare State* создает серьезные препятствия для социально-экономического прогресса, многие страны в последние годы стали активно развивать национальные финансовые рынки, использовать специальные инструменты макроэкономического контроля и поощрения семей к диверсификации расходной части их бюджетов, в том числе за счет расширения в них инвестиционной составляющей [8].

Целью данной работы является выявление основных направлений эволюционных преобразований в подходах домашних хозяйств при использовании ими семейных бюджетов, характерных для разных стран.

Теоретическая эволюция процесса принятия решений по семейному бюджету

Вопросы, связанные с принятием домашними хозяйствами инвестиционных решений, традиционно находятся в фокусе внимания ученых, представляющих различные научные школы. Среди наиболее важных направлений экономики здесь прежде всего следует назвать, современную макроэкономику, теорию перманентного дохода, выбора активов, теорию жизненного цикла семьи, поведенческую экономику, институциональную экономику. Благодаря им была сформирована прочная теоретическая основа для изучения общих принципов обоснования и принятия домохозяйствами инвестиционных решений в рамках своих бюджетов.

Дж.М. Кейнс еще в первой половине XX в., стремясь установить связь между фактами реальной экономики и изменениями, происходящими в денежном обращении, положил в основу теории экономических колебаний функцию потребления. В своей главной работе Кейнс доказал, что доходы в макроэкономическом смысле определяются прежде всего уровнем текущих инвестиций, которые, в свою очередь, зависят от нормы процента (устанавливаемой соотношением денежного спроса и денежного предложения) [9]. В ставшей к настоящему времени классической «Общей теории...» он показал, что соотношение между совокупным доходом и ожидаемыми расходами населения на потребление зависит от предельной склонности к потреблению. При этом ожидаемые расходы на новые инвестиции являются разностью функций совокупного предложения и склонности к потреблению. Не менее значима для современной науки идея Кейнса о сокращении средней склонности к потреблению по мере роста дохода и его мысль о том, что именно доход, а не процентная ставка, является основным фактором, определяющим потребление.

Немного позже, в 1950-е гг. М. Фридман разработал так называемую «теорию перманентного дохода» [10]. По его мнению, потребление семьи зависит не столько от уровня текущего дохода, сколько определяется тем доходом, который семья считает нормальным на своем горизонте планирования (который может охватывать как несколько лет, так и всю жизнь человека). Таким образом, к доходам семьи, по мнению Фридмана, следует относить не только так называемые «прошлые», свершившиеся доходы, но и ожидаемые поступления в будущем. Совокупность было предложено называть перманентным (или постоянным) доходом. Теория Фридмана и его последователей, отстаивающих идею о том, что уровень потребления домашних хозяйств может сохранять свое постоянство на протяжении длительного периода, значительно расширила теоретическую основу для исследования инвестиционного поведения домашних хозяйств.

Новый этап эволюции процесса принятия инвестиционных решений по семейному бюджету принято связывать с развитием «портфельной теории» Г. Марковица, согласно которой оптимальный выбор активов основан на ожиданиях инвестора о соотношении между их доходностью и риском [11]. Марковиц дал вероятностную формализацию этих ключевых понятий, что позволило перевести задачу выбора оптимального инвестиционного портфеля на язык математики.

Впоследствии Дж. Тобин доказал важную для анализируемой сферы «теорему о диверсификации» [12], согласно которой при существовании одного безрискового актива и огромного количества рискованных потенциальный выбор владельца портфеля описывается как выбор между безопасным активом и портфелем рискованных активов, а степень неприятия инвестором риска определяется долей безрискового актива в общем портфеле его активов. Тобин также выдвинул предположение, что при формировании инвестиционного портфеля инвестор отталкивается от соотношения средней ве-

личины прибыли и ее дисперсии, при этом рентабельность активов зависит от процентной ставки (доходности) и прироста (или потери) капитала в результате изменения их цены (под влиянием риска). Таким образом, выбор инвестиционного портфеля делается с учетом предпочтения инвестора между высокой средней прибылью при низкой дисперсии (максимальная доходность) и низкой средней прибылью при высокой дисперсии (минимальный риск).

Параллельно с расширением возможностей применения математического аппарата к инвестиционным решениям домашних хозяйств во второй половине XX в. ученые активно изучали социальные изменения, возникновение нуклеарной семьи как особого феномена, что положило основу развитию теории жизненного цикла семьи. Так, П. Глик в своей известной работе впервые определил жизненный цикл семьи как понятие, использующееся в отношении последовательности критических этапов, через которые проходит типичная семья [13]. Теория жизненного цикла семьи предполагает возможность выбора различных исследовательских ракурсов (демографической, психологической, социокультурной и др.). В рамках данного исследования наиболее интересен ее экономический аспект, исследующий изменение уровня материального благосостояния, жилищных условий, дохода (в том числе, в зависимости от числа иждивенцев на работающего члена семьи, динамику потребительских возможностей домохозяйства) на различных этапах жизненного цикла семьи: пред-родительской стадии, на стадии продуктивного родительства или на стадии пра-родительства [14].

Самым ранним применением теории жизненного цикла семьи к исследованию выбора домашними хозяйствами тех или иных финансовых активов является модель «семейного консенсуса» П. Самуэльсона, которая постулировала наличие единой функции благосостояния семьи [15]. Автор предложил гипотезу о возможности консенсуса, основанного на согласовании интересов или компромиссе внутри семьи. Таким образом семья оказывается упорядоченным набором предпочтений, при этом внутрисемейные отношения отдельно не анализируются, а рассматриваются как «черный ящик». Отметим, что центральное значение для автора имеет параллель между распределением доходов в рамках семьи и всего общества [16].

Очередной этап эволюции теории принятия решений по семейному бюджету связан с возникновением поведенческой экономики, основным объектом изучения которой стали границы рациональности экономических агентов [17]. Это направление изначально было представлено трудами Д. Канемана и А. Тверски [18]. Авторами для объяснения многочисленных расхождений между реальным принятием экономических решений и неоклассической теорией впервые была применена когнитивная психология. Они не только изучали влияние, оказываемое на индивидуальное и коллективное экономическое поведение человека, социальных, когнитивных и эмоциональных факторов, но и исследовали последствия этого влияния на рыночные переменные (цены, прибыль, распределение ресурсов).

Подводя итоги краткому теоретическому обзору эволюции процесса принятия решений по семейному бюджету, отметим, что поведенческая экономика выступила с критикой «вэлферистского» подхода ортодоксальной экономики благосостояния, продемонстрировав неустойчивость индивидуальных предпочтений и их зависимость от контекста принятия решений [19]. Выводы такого рода представлены в работах многих сторонников данной теории: Х. Шефрина [20], П. Словича [21], С. Бенарци [22].

Важный вклад в развитие представлений об инвестиционном поведении домашних хозяйств внесли представители институционализма [23]. С их точки зрения, домашнее хозяйство представляет собой организационную структуру особого рода, осно-

ванную на специфическом типе властных отношений и стремлении к максимизации благосостояния [24]. Институционалисты предлагают при анализе инвестиционных решений домашних хозяйств учитывать не только внешние условия неопределенности, но и подверженность домашних хозяйств воздействию социальной и институциональной сред, влияющих как на выбор инвестиционных целей, так и на способы их достижения [25]. Поэтому инвестиционные действия домохозяйств могут не соответствовать традиционному представлению о рациональности экономических решений.

Анализ теоретических источников показал, что, рассматривая вопросы, связанные с формированием и использованием домашними хозяйствами семейных бюджетов, различные авторы предлагают разнообразные и весьма неоднозначные подходы к обоснованию причин, форм проявления их инвестиционных решений, делают акценты на различных гранях рассматриваемого явления и его последствиях.

Современные решения по семейному бюджету: международное сравнение

Для выявления наиболее важных черт, свойственных в настоящее время формированию и расходованию семейных бюджетов, были исследована статистика базы данных ОЭСР [26] на примере Германии, США, Великобритании, Японии и Италии. Анализировались данные о располагаемом доходе домохозяйств, семейных расходах, сбережениях, задолженности, финансовых активах, финансовых операциях и других решениях, связанных семейными бюджетами с 2005 по 2019 г.

Рис. 1 показывает, что с 2005 по 2019 г. располагаемый доход домашних хозяйств в анализируемых странах в значительной мере отражал общую макроэкономическую динамику: он повсеместно снижался в кризисные 2008 и 2009 гг. Заметным было также снижение темпов роста доходов домохозяйств в 2012 г., особенно в Италии, наиболее сильно пострадавшей от предшествующего глобального финансового кризиса. Именно здесь в 2012 г. наблюдались отрицательные значения динамики располагаемых доходов. В другие годы анализируемого периода располагаемые доходы населения в анализируемых странах не только восстанавливаются до предшествующего уровня, но и росли.

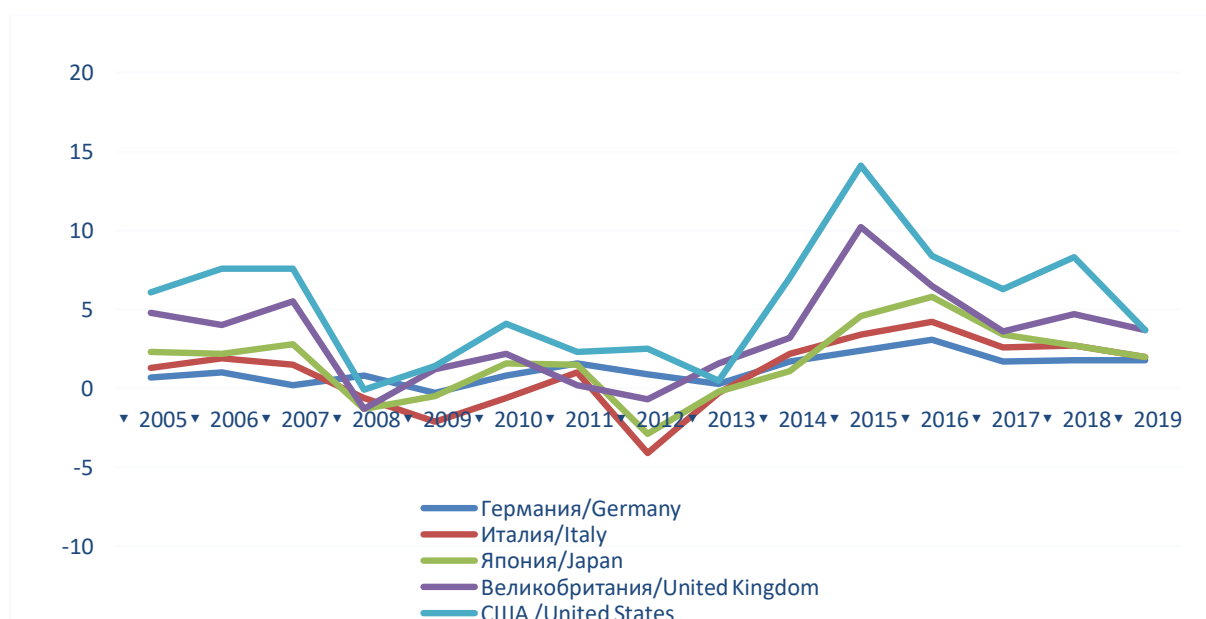

Рис. 1. Динамика располагаемого дохода домохозяйств, % [26]

Fig. 1. Dynamics of household disposable income, % [26]

Абсолютные данные о располагаемых доходах домохозяйств в выбранных для анализа странах за 2005–2019 гг., представленные на рис. 2, отражают устойчивую тенденцию к росту этих значений: к 2019 году располагаемый годовой доход домашних хозяйств в каждой из пяти стран превысил 30 000 долл. США. Явным лидером здесь на всем анализируемом промежутке времени ожидаемо являются США, где в 2019 г. это значение достигло 70 000 долл. США.

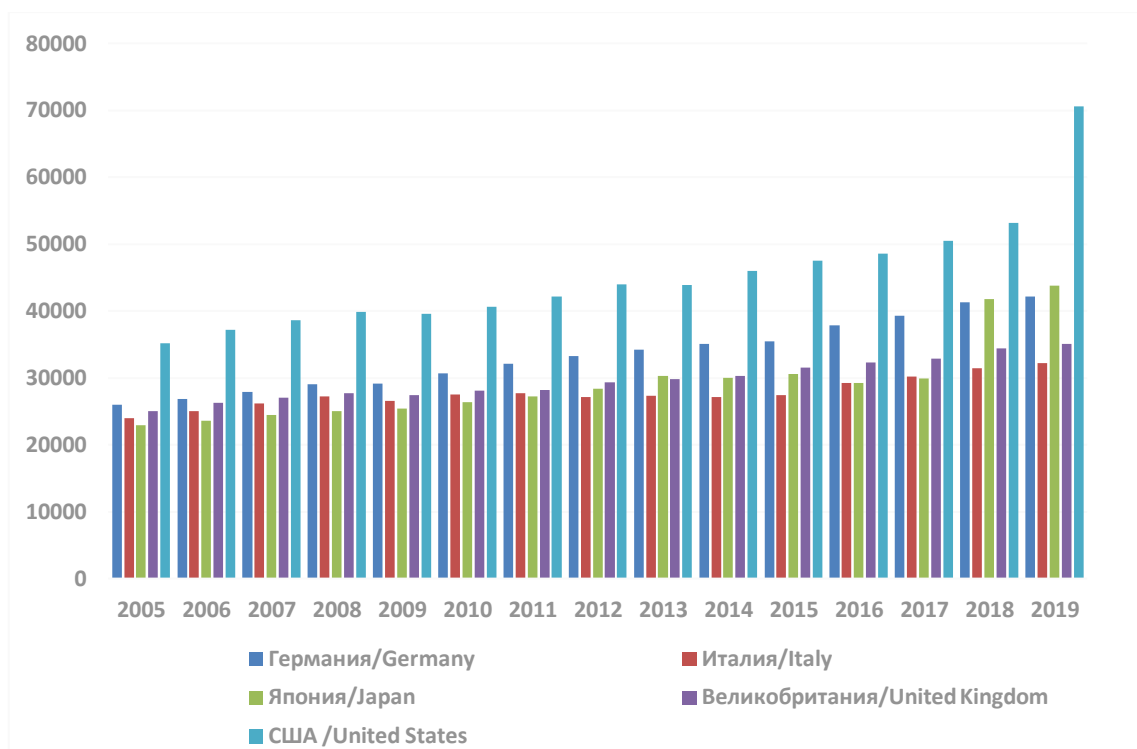

Рис. 2. Динамика общего располагаемого дохода домохозяйств, долл. США [26, 27]
Fig. 2. Dynamics of total household disposable income, USD [26, 27]

Динамика расходов домашних хозяйств (рис. 3) выглядит практически аналогично динамике их доходов, «провалы» на этом графике приходятся на финансовый кризис 2008 г. и долговой кризис 2012 г. При этом для более богатых стран (США, Великобритания) сокращение расходов было более значительным, чем, например, для Италии.

В рамках рассматриваемой темы особый интерес представляет динамика (в том числе, сравнительная) доли сбережений в структуре доходов домохозяйств. Рис. 4 показывает стабильное лидерство Германии среди анализируемых стран: сбережения немецких домохозяйств составляют довольно высокую и стабильную долю располагаемого дохода – в среднем около 10 %. В Соединенных Штатах сбережения домохозяйств за анализируемый 15-летний период увеличились более чем в 2 раза и в последние годы этот показатель также имеет тенденцию к увеличению. Противоположным образом проявил себя показатель, характеризующий долю сбережений домашних хозяйств в располагаемом доходе в Великобритании, Японии и Италии. После финансового кризиса 2008 г. в этих странах она заметно сократилась и только в Японии в последние годы вернулась к исходным значениям. Наиболее драматичным было сокращение доли сбережений в доходах домашних хозяйств Италии: минимум здесь был достигнут в 2012 г., а восстановления к докризисным значениям не произошло.

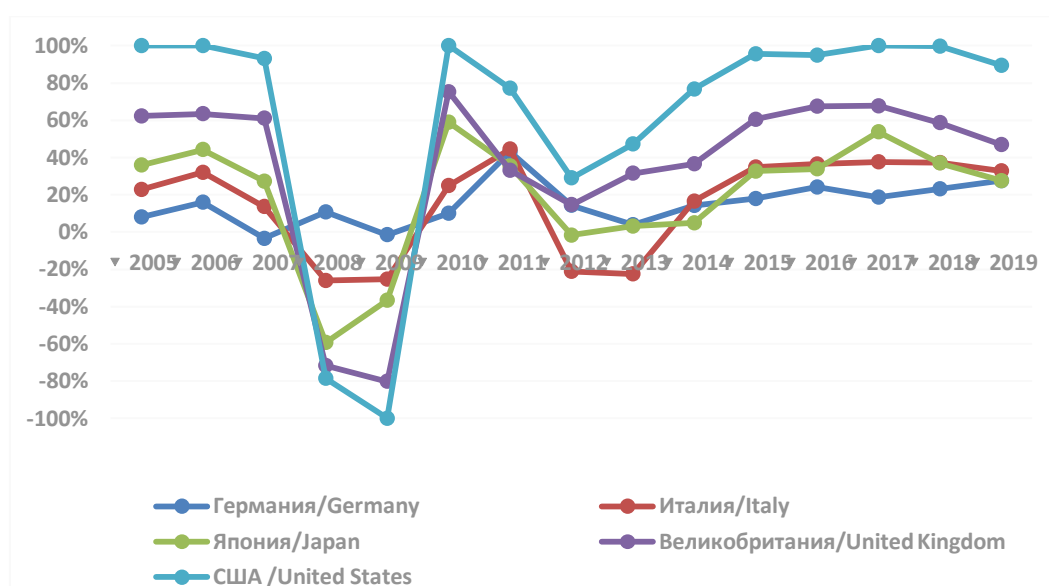

Рис. 3. Динамика расходов домашних хозяйств, % [26]
Fig. 3. Household spending dynamics, % [26]

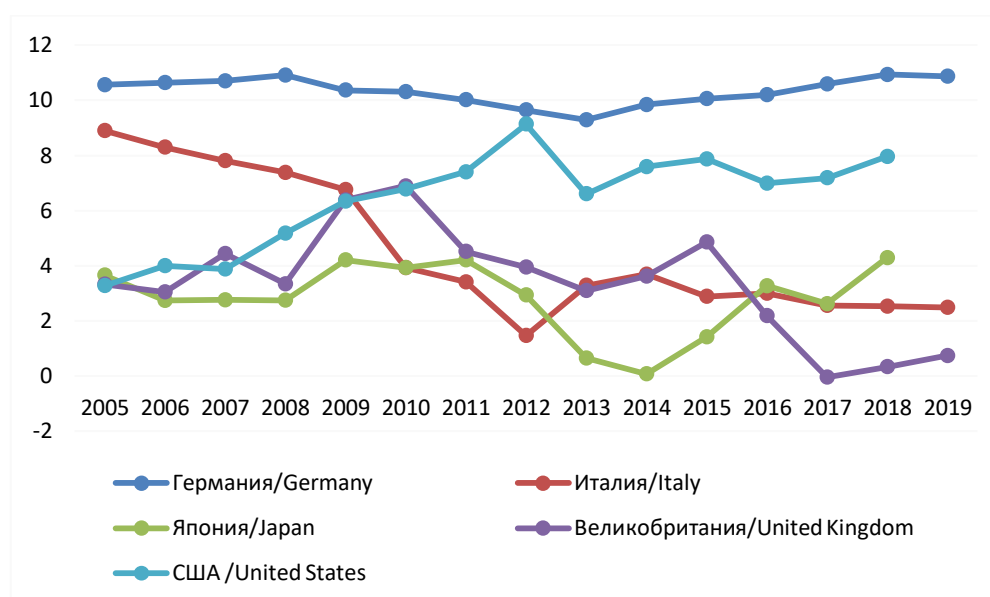

Рис. 4. Доля сбережений в располагаемом доходе домохозяйств, % [26]
Fig. 4. Share of savings in household disposable income, % [26]

На рис. 5 показана динамика задолженности домашних хозяйств по отношению к их располагаемым доходам. Отметим, что резких изменений в этих значениях у анализируемых стран в целом не наблюдалось. Максимальные значения данного показателя за 2009–2019 гг. были характерны для Великобритании (примерно 140–150 %). Задолженность американских домохозяйств за 2009–2019 гг. немного снизилась, но остается довольно высокой (104,6 % в 2018 г.). Отношение долга домашних хозяйств к располагаемому доходу в Японии и Германии было относительно стабильным, а задолженность итальянских домашних хозяйств возросла, однако остается на относительно низком уровне по сравнению с другими анализируемыми странами.

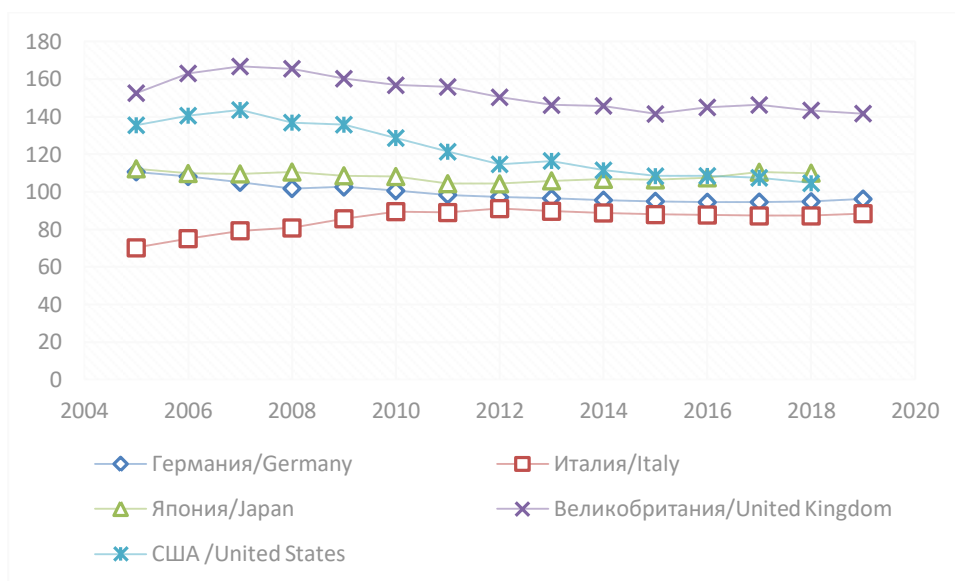

Рис. 5. Задолженность домохозяйств по соотношению к их располагаемому доходу, % [26]

Fig. 5. Household debt in relation to their disposable income, % [26]

Данные, представленные на рис. 6, показывают различия в национальных практиках распределения домашними хозяйствами своих финансовых активов. Так, для США устойчивой является практика преимущественного инвестирования в акции, для Великобритании – вложений в пенсионные фонды, для Японии, Италии и Германии – в валюту и депозиты. Отметим, что среди анализируемых стран японские домашние хозяйства имеют самую высокую долю валюты и депозитов в структуре распределения своих финансовых активов, в то время как домохозяйства Соединенных Штатов имеют самую низкую данного актива в общей структуре вложений. Британские домохозяйства являются страной с наименьшим процентом владения ценными бумагами (кроме акций), при этом остальные четыре страны демонстрируют тенденцию к сокращению таких инвестиций. Высоким является разрыв в желаниях домашних хозяйств анализируемых стран инвестировать в акции. Если в США это значение превышает 30 %, а в Италии близко к этому уровню, то в Японии, Германии и Великобритании оно обычно чуть более 10 %. Важно обратить внимание, что если доля американских домохозяйств, инвестирующих в программы страхования жизни, находится на уровне 5–6 %, то в других странах она заметно выше и может достигать 10–18 %. Доля вложений в пенсионные фонды относительно высока у британских и американских домохозяйств, в то время как у итальянских и японских домохозяйств она относительно низка. Доля вкладов в паевые инвестиционные фонды, как правило, невысока и обычно не превышает 10 % от общей суммы инвестиций домашних хозяйств. Анализ также показал разнонаправленные изменения в предпочтениях домохозяйств в анализируемых странах относительно вложений в различные финансовые инструменты на фоне глобального кризиса ипотечного кредитования 2008 г. Например, домашние хозяйства в Японии и Великобритании в 2019 г. все чаще отдают предпочтение более надежным инвестициям: в Японии выросла доля инвестиций, направленных на страхование жизни, в Великобритании – в пенсионные фонды. При этом домашние хозяйства США увеличили вложения в максимально рискованные активы – акции, а домашние хозяйства Германии и Италии нарастили инвестиции в валюту и депозиты.

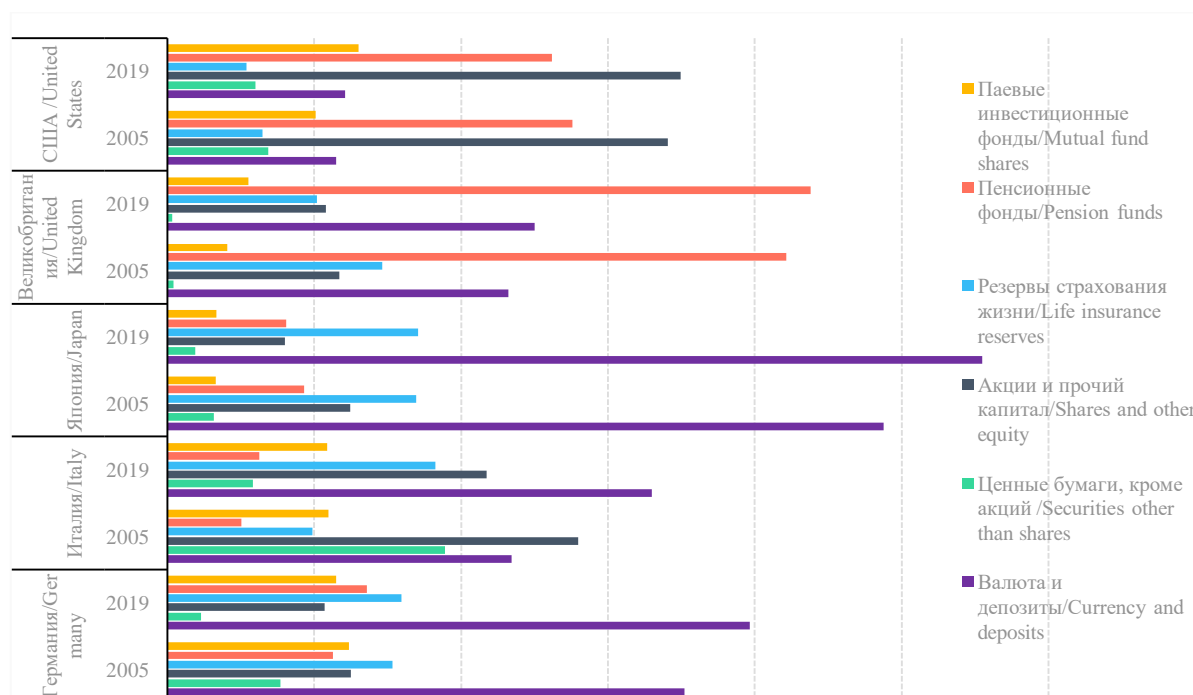

Рис. 6. Структура финансовых активов домохозяйств, % [26]
Fig. 6. Structure of financial assets of households, % [26]

Выводы и заключение

Теоретические исследования, нацеленные на изучение механизма принятия решений по формированию и расходованию семейного бюджета, традиционно находятся в фокусе внимания экономистов, независимо от их принадлежности к различным научным школам. Обзор основных направлений научного поиска в этой сфере показал, что начиная с середины XX в. ученые постепенно переходят от базовых принципов общей теории потребления, изучения влияния решений домашних хозяйств на макроэкономический рост к микроэкономическому анализу. При этом они все более концентрируются на оптимизации портфеля семейных активов, анализе экономических аспектов жизненного цикла семьи, поведенческой экономике, роли психологических и средовых факторов при принятии домашними хозяйствами инвестиционных решений. Исследования, посвященные инвестиционному поведению домашних хозяйств, в последние годы все чаще включают в себя такие факторы, как развитость институтов, разница семей в доходах, их склонность к риску, уровень финансовой и цифровой грамотности, активность в социальных сетях и др. Эти факторы приближают теоретические исследования о финансовом поведении семей к их реальным действиям при принятии различных решений о формировании и распределении бюджета. Таким образом, для более глубокого исследования актуальных тенденций, характеризующих процесс принятия домашними хозяйствами решений о расходовании семейных бюджетов, необходима комплексная методология, включающая обоснованное сочетание идей, принципов и инструментов, предложенных представителями различных научных школ и направлений.

Анализ статистических данных показал ряд общих и особенных черт, характерных в последние годы для формирования и расходовании семейных бюджетов в ряде стран ОЭСР (на примере Германии, США, Великобритании, Японии и Италии). Общим для выбранных стран в последние годы является заметный рост доходов домохозяйств. Темпы этого роста замедлялись и даже сокращались в кризисные для глобальной эко-

номики периоды, однако при улучшении макроэкономической ситуации рост доходов продолжился в каждой из анализируемых стран, и к 2019 г. абсолютные значения доходов домашних хозяйств значительно превысили значения, которые были характерны для семейных доходов в выбранных странах в 2005 г. Аналогичным образом в тот же период вели себя и расходы домашних хозяйств: в благополучные годы расходы домохозяйств росли примерно в той же пропорции, что и доходы, а в кризисные годы – сокращались. При этом чем выше уровень экономического развития страны, тем заметнее сказывается неблагоприятная макроэкономическая динамика на уровне и динамике расходов домашних хозяйств.

Как показал анализ, доля доходов домашних хозяйств, направляемая на сбережения, также весьма чувствительна к макроэкономическим шокам, однако в рассматриваемой группе стран это влияние не было однозначным. Домашние хозяйства Германии практически не изменили своих решений о доле сбережений в доходах и сохранили по этому показателю лидерство среди стран, выбранных для исследования. Домашние хозяйства США, несмотря на экономическую турбулентность анализируемого периода, усилили свою склонность к сбережениям и заметно увеличили долю доходов, направляемых на сбережения. Для Японии был характерен существенный спад доли доходов домашних хозяйств, направляемых на сбережение к 2014 г., однако этот уровень в 2018 г. заметно превысил базовое значение 2009 г. Доля сбережений для домашних хозяйств Италии за анализируемый период сократилась практически в 3 раза. Для Великобритании доля сбережений домашних хозяйств за рассматриваемый период была нестабильна: этот показатель демонстрировал и рост, и снижение, а к 2019 г. по сравнению с другими анализируемыми странами он оказался рекордно низким.

На фоне весьма высокого уровня задолженности домашних хозяйств по отношению к из располагаемому доходу во всех анализируемых странах заметны национальные различия в выборе приоритетных направлений для семейного инвестирования. Так, например, у домашних хозяйств США традиционно лидирует стремление инвестировать в высокодоходные рискованные активы – акции, в Великобритании домашние хозяйства отдадут предпочтение максимально консервативным инвестициям в пенсионные фонды, а в Японии, Италии и Германии предпочитают инвестировать в валюту и депозиты. Отметим, что финансовый рынок в последние годы практически повсеместно расширил инвестиционные возможности домашних хозяйств, повысил доступность новых финансовых инструментов, например вложений в частные пенсионные фонды. Стремительное развитие рынка капитала привело к тому, что рыночные инструменты стали доминировать в портфеле активов домашних хозяйств, что неизбежно повлекло за собой более высокие риски. Таким образом, на основе анализа статистических данных доказано, что произошедшая в посткризисный период оптимизация институциональной среды на рынке капитала стимулировала домашние хозяйства к принятию решений об увеличении доли своих инвестиций в более рискованные активы.

Как показал анализ, в США наблюдается довольно высокий уровень инвестирования домохозяйств именно в рискованные активы (акции). Это объясняется не только устойчивыми национальными традициями, но и тем, что институциональная среда на фондовом рынке США весьма благоприятна для семейных решений такого рода, что делает домохозяйства более склонными к инвестированию в высокорискованные активы. Для того чтобы распространить подобную практику в развивающиеся страны, необходима надежная система защиты инвесторов и непременно высокий уровень доверия в обществе. Для повышения привлекательности семейных инвестиций на рынке капитала также критически важны высокий уровень информатизации всех сторон жиз-

ни человека и снижение операционных издержек при выходе домашних хозяйств на финансовый рынок.

Отметим, что развитие рынка капитала, особенно в условиях высокой концентрации национального богатства, как правило, усиливает неравенство и поляризацию общества на богатых и бедных. В связи с этим эволюцию национальных финансовых рынков необходимо рассматривать в более широком контексте, включающем поиск новых подходов к решению ключевых социально-экономических проблем современного общества. Китайское правительство, например, хорошо осознает важность качественной трансформации финансового рынка, защиты инвесторов, снижения затрат на участие индивидуальных инвесторов в операциях на фондовом рынке. Оно поощряет домашние хозяйства к участию в относительно рискованных инвестициях за счет предложения гражданам надежного пенсионного плана, гарантирующего стабильное благосостояние. Действительно, надежная система пенсионного обеспечения является важным фактором повышения привлекательности относительно рискованных инвестиционных решений семей. В этом случае семьи с большим желанием вкладывают свои средства в рискованные активы. Проводимые мероприятия должны быть согласованы с совершенствованием пенсионной системы. Одной из важнейших целей здесь является сокращение разрыва между уровнем пенсий у городских и сельских жителей Китая, повышение финансовой грамотности населения. В результате этого домашние хозяйства смогут более активно участвовать в формировании семейных накоплений, добавлять к гарантированным выплатам по возрасту «коммерческие» пенсии (из средств частных пенсионных фондов) и доходы от частных инвестиций.

Очевидно, что изменение финансовой среды, диверсификация финансовых инструментов способствуют более быстрому накоплению семейного богатства. Поэтому расширение предложения финансовых инструментов для семейного инвестирования обладает особой ценностью для развивающихся стран. Для них важно не только расширение национального спектра инвестиционных портфельных продуктов, сбалансированных по доходу и риску, но и возможность домашних хозяйств участвовать на международном рынке инвестиций. Чем активнее будет эволюционировать национальный рынок капитала, чем активнее он будет интегрирован в международную инвестиционную систему, тем выше ожидаемая доля более рискованных активов в инвестиционных портфелях отдельных домохозяйств, а следовательно, выше потенциал дохода семей и экономического роста страны в целом. Верно и обратное: недостаточное развитие рынка капитала ведет к преобладанию преимущественно консервативных форм инвестирования домашних хозяйств, сокращению доли инвестиций, направленных в относительно рискованные активы, снижению доходности инвестиций, капитала семьи, а в итоге – снижению потенциал экономического роста страны в целом.

В заключение отметим критическую важность повышения уровня финансовой грамотности населения для изменения типа инвестиционного поведения домохозяйств. Государство, развивая финансовый рынок, должно уделять особое внимание повышению финансовой грамотности людей, популяризировать доступные гражданам финансовые инструменты, научить правильно воспринимать и оценивать финансовые риски, тем самым повышая возможности роста дохода семьи за счет прибыли от различных финансовых вложений. Семьям, в свою очередь, также необходимо приложить усилия и потратить немало времени для лучшего понимания специфических особенностей финансового рынка и его отдельных продуктов. Только в этом случае они смогут корректно оценить свои инвестиционные потребности и возможности в рамках семейного бюджета, обосновать рациональное соотношение между риском и доходностью доступных финансовых инструментов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Институты реализации ресурсного потенциала старшего поколения в экономике старения» (проект № 19-18-00300).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сидорина Т.Ю. Государство всеобщего благосостояния. – СПб.: Нестор-История, 2018. – 144 с.
2. Van der Zwan N. Making sense of financialization // *Socio-economic review*. – 2014. – № 12 (1). – P. 99–129.
3. Ковешников В.С. Развитие концепции государства всеобщего благосостояния в начале XXI века в Европейском Союзе // *Novaum*. – 2020. – № 24. – С. 148–150.
4. Канарш Г.Ю. Настоящее и будущее социального государства в России // *Вестник Российской академии наук*. – 2020. – Т. 90. – № 9. – С. 891–898.
5. Жалобина А.В., Винникова А.С. Доходы и расходы населения и их роль в измерении уровня качества жизни населения // *Научно-аналитический экономический журнал*. – 2017. – № 2 (13). – С. 37–39.
6. Индыченко Ю.В. Исследование взаимосвязи потребительских доходов, расходов и сбережений населения в российских условиях // *Вестник университета*. – 2019. – № 4. – С. 100–105.
7. Aluko O.A., Oropu E.E. The financial development impact of financial globalization revisited: a focus on OECD countries // *International Economics*. – 2022. – V. 169. – P. 13–29.
8. Cylus J., Figueras J., Normand C. Will population ageing spell the end of the welfare state? A review of evidence and policy options. – *European Observatory on Health Systems and Policies*, 2019. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/331978/Policy-brief-1997-8073-2019-1-eng.pdf?sequence=5&isAllowed=y> (дата обращения: 11.10.2021).
9. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Бизнеском, 2013. – 402 с.
10. Бёргин Э. Великая революция идей: возрождение свободных рынков после Великой депрессии. – М.: Мысль, 2017. – 327 с.
11. Markowitz H.M. Portfolio selection: efficient diversification of investment. – New York: Wiley, 1959. – 270 p.
12. Tobin J. Life cycle saving and balanced growth // *Ten Economic Studies in the Tradition of Irving Fisher* / Ed. by W. Fellner. – New York: Wiley, 1967. – С. 231–256.
13. Glick P.C. The life cycle of the family // *Marriage and Family Living*. – 1955. – V. 17. – № 4. – P. 381–384.
14. Ляликова С.В. Понятие жизненного цикла семьи и особенности его типологизации в работах отечественных ученых с привлечением исследовательских данных // *Социология*. – 2019. – № 6. – С. 233–248.
15. Samuelson P.A. Social indifference curves // *Quarterly Journal of Economics*. – 1956. – V. 70. – № 1. – P. 1–22.
16. Поллак Р. Трансакционный подход к изучению семьи и домашнего хозяйства // *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем*. – 1994. – № 6. – С. 50–76.
17. Decision making under uncertainty: exploration and exploitation / К.Е. Sayfulina, G.L. Kozunova, V.A. Medvedev, A.M. Rytikova, B.V. Chernyshev // *Journal of Modern Foreign Psychology*. – 2020. – № 9 (2). – P. 93–106.
18. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: an analysis of decision under risk // *Econometrica*. – 1979. – № 47. – P. 263–291.
19. Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и «новый» патернализм. Часть I // *Вопросы экономики*. – 2013. – № 9. – С. 66–90.
20. Shefrin H., Thaler R. The behavioral life-cycle hypothesis // *Economic Inquiry*. – 1988. – № 26. – P. 609–643.
21. Slovic P., Tversky A. Who accepts Savage's axiom? // *Behavioral Science*. – 1974. – № 19. – P. 368–373.
22. Benartzi S., Thaler, R. Myopic loss-aversion and the equity premium puzzle // *Quarterly Journal of Economics*. – 1995. – № 110. – P. 73–92.
23. Николайчук О.А., Нуреев Р.М. Инвестиционно-сберегательная функция домашних хозяйств // *Terra Economicus*. – 2020. – № 18 (1). – С. 81–101. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-1-81-101.
24. Олейник А.Н. Институциональная экономика. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 416 с.
25. Павлова И.А., Недоспасова О.П. Институциональные функции в анализе ресурсного потенциала старшего поколения // *Региональная экономика: теория и практика*. – 2021. – Т. 19. – № 5 (488). – С. 972–1002. DOI: <https://doi.org/10.24891/re.19.5.972>.
26. База данных ОЭСР. URL: <http://data.oecd.org> (дата обращения 20.12.2021).
27. База данных бюро статистики Министерства внутренних дел и коммуникаций Японии. URL: <https://www.stat.go.jp> (дата обращения 19.12.2021).

Поступила 03.01.2022 г.

UDC 330.567.8.093.7:303.446.23

THEORETICAL EVOLUTION OF FAMILY BUDGET DISTRIBUTION DECISIONS AND THEIR INTERNATIONAL COMPARISON

Yuan Kefeng ^{1,2},
85805685@qq.com

Olga P. Nedospasova ¹,
olgaeconomy@mail.ru

¹ National Research Tomsk State University,
36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russia

² Ningde Normal University,
1, Xueyuan avenue, Ningde, 352100, China

Yuan Kefeng, post-graduate student, National Research Tomsk State University; associate professor, Ningde Normal University.

Olga P. Nedospasova, Dr. Sc., professor, National Research Tomsk State University.

Relevance. Demographic transformation, which began in the middle of the 20th century mainly in economically developed countries, has now become the most important global trend. Decline in the birth rate, increase in life expectancy, change in the habitual structure of households almost everywhere in recent decades have occurred against the backdrop of accelerated urbanization, increase in the level of education of citizens, changes in forms of employment, and the formation of a digital economy. The turbulence of the socio-economic space, the challenges and shocks of recent times are even more significantly and rapidly changing the usual formats of various aspects of household life, including changes in the traditional approaches of households to the use of their budgets. **Objective:** based on the basic provisions of relevant scientific theories for this topic, to identify the main directions of evolutionary transformations in the approaches of households when they use family budgets, which are typical for different countries. **Methods:** analysis and synthesis of scientific literature, problem-focused comparison of theoretical concepts, analysis of current OECD statistics on household income and expenditure in various countries. **Results.** The study showed that modern scientific theories consider issues related to the formation and use of family budgets by households in a very ambiguous and rather contradictory way, emphasizing various causes, manifestations and expected consequences of the phenomenon under consideration. The research identified common and specific features characteristic of the formation and spending of family budgets in a number of OECD countries (on the example of Germany, USA, UK, Japan and Italy). It is shown that the development of the financial market not only expanded the investment opportunities of households, but also increased the risks associated with decisions on spending their budgets. **Conclusions.** Based on the results of the study, a conclusion was drawn that for a deeper study of the trends that characterize the process of making household decisions on spending family budgets, a comprehensive methodology is needed, including a reasonable combination of ideas, principles and tools proposed at different times by representatives of various scientific schools and directions. Based on the analysis of statistical data, it is proved that the optimization of the institutional environment in the capital market can stimulate households to make decisions to increase the share of their investments in relatively risky assets. It is concluded that the development of the capital market in conditions of high concentration of national wealth, as a rule, increases inequality and the society income polarization. In this regard, the development of national financial markets must be considered in a broader context, including the search for new approaches to solving key socio-economic problems of modern society.

Key words: Family budget, income, expenses, investments, family life cycle, economic theories, evolution.

The research was financially supported by the Russian Science Foundation within the research project «Institutes of implementation of resource potential of the older generation in the economy of aging» (project no. 19-18-00300).

REFERENCES

1. Sidorina T.Yu. *Gosudarstvo vseobshchego blagosostoyaniya* [Welfare state]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018. 144 p.
2. Van der Zwan N. Making sense of financialization. *Socio-economic review*, 2014, no. 12 (1), pp. 99–129.
3. Koveshnikov V.S. Razvitie kontseptsii gosudarstva vseobshchego blagosostoyaniya v nachale XXI veka v Evropeyskom Soyuze [Development of the concept of the welfare state at the beginning of the 21st century in the European Union]. *Novaum*, 2020, no. 24, pp. 148–150.
4. Kanarsh G.Yu. Nastoyashchee i budushchee sotsialnogo gosudarstva v Rossii [The Present and Future of the Welfare State in Russia]. *Vestnik Rossijskoy akademii nauk*, 2020, vol. 90, no. 9, pp. 891–898.
5. Zhalobina A.V., Vinnikova A.S. Dokhody i raskhody naseleniya i ikh rol v izmerenii urovnya kachestva zhizni naseleniya [Incomes and expenditures of the population and their role in measuring the level of quality of life of the population]. *Nauchno-analiticheskiy ekonomicheskij zhurnal*, 2017, no. 2 (13), pp. 37–39.
6. Indychenko Yu.V. Research of the interrelation of consumer revenues, expenditures and savings of the population in Russian conditions. *Vestnik Universiteta*, 2019, no. 4, pp. 100–105. In Rus.
7. Aluko O.A., Opoku E.E. The financial development impact of financial globalization revisited: A focus on OECD countries. *International Economics*, 2022, vol. 169, pp. 13–29.
8. Cylus J., Figueras J., Normand C. *Will population ageing spell the end of the welfare state? A review of evidence and policy options*. European Observatory on Health Systems and Policies, 2019. Available at: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/331978/Policy-brief-1997-8073-2019-1-eng.pdf?sequence=5&isAllowed=y> (accessed 11 October 2021).
9. Keyns Dzh.M. *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [General Theory of Employment, Interest and Money]. Moscow, Bizneskom Publ., 2013. 402 p.
10. Bergin E. *Velikaya revolyutsiya idey: vozrozhdenie svobodnykh rynkov posle Velikoy depressii* [The Great Revolution of Ideas: the Resurgence of Free Markets after the Great Depression]. Moscow, Misl Publ., 2017. 327 p.
11. Markowitz H.M. *Portfolio selection: efficient diversification of investment*. New York, Wiley, 1959. 270 p.
12. Tobin J. Life cycle saving and balanced growth. *Ten Economic Studies in the Tradition of Irving Fisher*. Ed. by W. Fellner. New York, Wiley, 1967. pp. 231–256.
13. Glick P.C. The life cycle of the family. *Marriage and Family Living*, 1955, vol. 17, no. 4, pp. 381–384.
14. Lyalikova S.V. Concept of the family life cycle and the features of its typologization in the works of domestic scientists with the use of research data. *Sociologiya*, 2019, no. 6, pp. 233–248. In Rus.
15. Samuelson P.A. Social indifference curves. *Quarterly Journal of Economics*, 1956, vol. 70, no. 1, pp. 1–22.
16. Pollack R. A transactional cost approach to families and households. *THESIS*, 1994, no. 6, pp. 50–76. In Rus.
17. Sayfulina K.E., Kozunova G.L., Medvedev V.A., Rytikova A.M., Chernyshev B.V. Decision making under uncertainty: exploration and exploitation. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2020, no. 9 (2), pp. 93–106.
18. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: an analysis of decision under risk. *Econometrica*, 1979, no. 47, pp. 263–291. In Rus.
19. Kapelyushnikov R.I. Behavioral economics and new paternalism. (Part I). *Voprosy ekonomiki*, 2013, no. 9, pp. 66–90.
20. Shefrin H., Thaler R. The behavioral life-cycle hypothesis. *Economic Inquiry*, 1988, no. 26, pp. 609–643.
21. Slovic P., Tversky A. Who accepts Savage's axiom? *Behavioral Science*, 1974, no. 19, pp. 368–373.
22. Benartzi S., Thaler R. Myopic loss-aversion and the equity premium puzzle. *Quarterly Journal of Economics*, 1995, no. 110, pp. 73–92.
23. Nikolaychuk O.A., Nureev R.M. Household savings and investment. *Terra Economicus*, 2020, no. 18 (1), pp. 81–101. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-1-81-101. In Rus.
24. Oleynik A.N. *Institutsionalnaya ekonomika* [Institutional economy]. Moscow, INFRA-M Publ., 2020. 416 p.
25. Pavlova I.A., Nedospasova O.P. Institutional functions in analyzing the elderly generation's resource potential. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2021, vol. 19, Iss. 5, pp. 972–1002. In Rus. DOI: <https://doi.org/10.24891/re.19.5.972>.
26. *Baza dannykh OSER* [OECD Database]. Available at: <http://data.oecd.org> (accessed 20 December 2021).
27. *Baza dannykh byuro statistiki Ministerstva vnutrennikh del i kommunikatsiy Yaponii* [Database of Bureau of Statistics of the Ministry of Internal Affairs and Communications of Japan]. Available at: <https://www.stat.go.jp> (accessed 12 December 2021).

Received: 3 January 2022.